

От редактора

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-3-320-337.

Бывают тексты, которые страшно переводить. Страшно потому, что их перевод неизбежно повлечет за собой ответственность — ведь если ты берешься переводить памятники «первого ряда», то, стало быть, претендуешь на соответствующую позицию в научном мире. Страшно потому, что они многослойные и почти каждое слово и каждую фразу в них можно прочесть по-разному, а от прочтения зависит и перевод. Наконец, страшно потому, что этот перевод практически наверняка будут читать. Но именно поэтому эти тексты переводить необходимо. В полной мере сказанное относится к знаменитому «Левиафану» Томаса Гоббса, две главы из которого мы предлагаем вниманию читателей в нашем переводе.

Перевод сделан с латинского текста «Левиафана», впервые опубликованного в 1668 году — через 17 лет после выхода в свет первого английского издания. Стоит сказать несколько слов о том, почему для перевода был выбран именно этот, латинский, текст трактата, а не общеизвестный английский. Тому есть несколько причин. Прежде всего, было решено провести небольшой переводческий и исследовательский эксперимент. Это решение было обусловлено в первую очередь изменениями в терминологии, неизбежными при переводе с языка на язык, в данном случае — при переводе с английского на латынь. Ведь если для английского языка трактат Гоббса был чем-то достаточно новым, в том числе в смысле понятийного аппарата, то при переводе на латынь Гоббс неминуемо должен был столкнуться с огромной существующей традицией политико-философских трактатов, многие из которых были ему прекрасно известны. Это, в свою очередь, влекло за собой необходимость адаптации существующей терминологии под нужды Гоббса, а иногда, как мы постарались показать в комментариях, перехвата существующей понятийной системы и переопределения ее. Отдельный интерес, заметим на полях, представляет собой вопрос влияния взглядов и текстов Цицерона на политических авторов Европы раннего Нового времени, в том числе на Томаса Гоббса. В частности, при чтении латинского

«Левиафана» видно, как он работает с Цицероновской системой понятий, перестраивая ее, адаптируя под нужды второй половины XVII века.

Второй момент тоже вполне ясен. Как известно, латинский текст Гоббс создает по двум основным причинам: он стремится познакомить с ним широкую европейскую аудиторию, не читающую на английском языке, и, что, наверное, даже более важно, он хочет ответить своим критикам: Филмеру, Брэмхоллу, Уоллесу, Лоусону и другим. Поэтому читателям латинского текста предлагается не просто перевод, но именно что второе издание, дополненное, исправленное и частично переработанное. И перевод, делающийся с латинского текста «Левиафана», дает в том числе возможность увидеть, как эволюционировала мысль Гоббса за прошедшие с момента выхода первого издания полтора десятилетия.

Для этого — повторимся — во многом экспериментального перевода были выбраны две, пожалуй, наиболее известные главы из трактата. Речь идет о главах 17 и 18, в первой из которых Гоббс описывает становление Левиафана в результате заключаемого людьми соглашения, во второй же — рассуждает о необходимых правах и прерогативах высшей власти в учрежденной гражданской общности. Сюжет этих глав известен, а содержание требует не нескольких страниц, а иного подробного комментария с разбором ключевых понятий, с анализом взаимовлияний Гоббса и ряда других европейских авторов (Витория, Боден, Гроций и т. д.). Мы не стали втискивать этот комментарий в краткое вступление к переводу как по соображениям объема, так и по другой причине. В данном случае мы хотим представить читателям в расчете на их критику именно перевод *stricto sensu*, а подробное исследование оставить на недалекое, надеемся, будущее.

А. М.

ТОМАС ГОББС
ЛЕВИАФАН*

ГЛАВЫ 17–18

О ГРАЖДАНСКОЙ ОБЩНОСТИ, ИЛИ О РЕСПУБЛИКЕ¹

ГЛАВА XVII.
О ПРИЧИНЕ, ПРОИСХОЖДЕНИИ И ОПРЕДЕЛЕНИИ
ГРАЖДАНСКОЙ ОБЩНОСТИ

Причиной и целью того, что люди, по природе своей любящие свободу и господство, пожелали жить по предписанному (как это делается в гражданском состоянии), была их забота о самосохранении и о более благоприятной жизни, то есть стремление выйти из несчастного состояния войны всех против всех, с которым неизбежно и неразрывно связано состояние естественной свободы (из-за страстей человеческих). В состоянии этом нет никакой видимой власти, которая могла бы сдерживать эти страсти страхом наказания и сделала бы так, чтобы естественные законы и соглашения² соблюдались. Ведь естественные законы, такие

*© Философия. Журнал Высшей школы экономики. Перевод: © Марей Александр Владимирович (ORCID: 0000-0001-6185-0453), Столярова Елизавета Григорьевна (ORCID: 0009-0001-5676-3715). Оригинал: *Hobbes T. Leviathan. Vol. 2. The English and Latin Text / ed. by N. Malcolm. — Oxford : OUP, 2012. — P. 255–283.*

¹Очевидно, что Гоббс перехватывает здесь лексику Цицерона (и Августина), переопределяя ее по-своему (Cic. Resp. I. 41: «omnis ergo populus, qui est talis coetus multitudinis qualem eui, omnis civitas, quae est constitutio populi, omnis res publica, quae ut dixi populi res est...»). Используя понятия *civitas* и *respublica* как практически синонимичные, Гоббс, что естественно, апеллирует и к понятию *populus*, пусть даже оно практически не фигурирует в его тексте. Т. о., *multitudo*, приходя к соглашению (*public covenant*), переходит в *status civilis* и становится народом, *populus*. Важно и другое: *civitas* совершенно очевидно используется Гоббсом в значении не «город», а именно «народное установление», своеобразное «гражданство» в значении неопределенно большой совокупности граждан, т. е. «гражданской общности».

²В английском тексте формуле «legesque naturales & pacta observari» соответствует «to the performance of their Covenants and observation of those Lawes of Nature». Гоббс, как об этом не раз писали, использует в «Левиафане» терминологию, взятую им из английского текста Библии (т. н. «Библия короля Якова»). Именно отсюда взят один из самых важных концептов для его теории — договор, который в английском тексте обозначается им как *Covenant*. В упомянутом тексте Библии именно этим словом переводятся латинские *pactum*, *foedus* и т. д.

как справедливость, равенство и т. д.³, противоположны человеческим страстям, таким как гнев, гордыня и всякая алчность, сами по себе, без страха перед принуждающей властью.

Однако сами по себе законы и соглашения не могут быть выходом из состояния войны всех против всех⁴. Ведь слова, пока они только слова, не устрашают, и потому они бесполезны сами по себе, без поддержки оружием, для безопасности человека. Поэтому законы, которые кто-то стремится соблюдать, при том что другие их соблюдают, не обязывают, покуда отсутствует страх перед принуждающей властью⁵, и не препятствуют любому и каждому законно обеспечивать свою безопасность собственными силами и умениями. Тому же учит и история Древней Греции, где, пока не было иной власти, кроме отцовской, стяжательство⁶ считалось не только приемлемым, но даже и почетным из-за жестокости и отсутствия земледельческих орудий⁷. То, что тогда делали малые семьи, теперь делают гражданские общности, то есть семьи большие, расширяющие свои владения ради безопасности при всяком подозрении опасности или вражеского вторжения. Тогда они побеждают как врагов, так и тех, кто кажется им их помощниками, или

³В английском тексте этот пассаж выглядит несколько пространнее: «...как справедливость, равенство, скромность, милосердие...» или, одним словом, «поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой».

⁴В английском тексте этой фразы нет, там Гоббс сразу начинает свой знаменитый пассаж про то, что «договоры без меча суть лишь слова и в них нет силы, способной обезопасить человека».

⁵В английском тексте вместо тезиса об отсутствии страха написано так: «...если нет установленной власти или она недостаточно сильна для того, чтобы обеспечить нам безопасность».

⁶В лат. тексте — *quaestus*; гораздо более логичным выглядит в данном случае английский текст, в котором читаем: «to robbe and spoyle one another» — т. е. грабеж, а не стяжательство.

⁷Это скрытая цитата из «Истории» Фукидида (Thuc. 1.5), на что указывает в своем комментарии Малькольм Ноэл (Hobbes, 2012: 143, *infra* 9); в английском тексте этого пассажа нет, вместо него стоит фраза, похожая по содержанию, но не опирающаяся непосредственно на Фукидида: «And in all places, where men have lived by small families, to rob and spoil one another has been a trade, and so far from being reputed against the law of nature that the greater spoils they gained, the greater was their honour; and men observed no other laws therein but the laws of honour; that is, to abstain from cruelty, leaving to men their lives and instruments of husbandry». т. е.: «Действительно во всех местах, где люди жили маленькими родами, было промыслом грабить друг друга; и это настолько не считалось против естественных законов, что, чем больше человек награл, тем больше это доставляло ему чести. И люди не соблюдали в этих делах никаких других законов кроме законов чести, а именно: они воздерживались от жестокости, оставив людям их жизнь и сельскохозяйственные орудия» (Гоббс, Гутерман, 1936: 144).

ослабляют их, насколько могут, силой и хитростью, и это справедливо, поскольку они не могут по-другому себя обезопасить⁸.

Не может гарантировать взыскуемой ими безопасности и объединение немногих людей, ведь, когда их немного, даже малого приращения рядов с любой стороны достаточно для несомненной победы, а это добавляет духа нападающим. Совокупность⁹ же, которая точно может надеяться на свою безопасность, определяется не известным количеством, а в сравнении с силами врагов¹⁰: она должна быть больше их, чтобы превосходство в столь важном и значительном деле не сподвигло бы врагов на нападение ради завершения войны.

Однако какой бы ни была совокупность людей, если их действия управляются суждениями и волеизъявлениями многих, они не могут надеяться на безопасность¹¹ ни от общего врага, ни от их ссор друг с другом. Ведь, споря между собой о том, как использовать силы, они не только не помогут друг другу¹², но и полностью обессилят друг друга в постоянных спорах, вследствие чего их не только легко разобьет общий враг, но и они сами начнут войну друг с другом из-за собственных благ¹³. Ведь если предположить, что некое большое количество людей согласилось бы без общей власти, которая могла бы всех принудить, о справедливости и о соблюдении прочих естественных законов, то же следовало бы предположить и обо всем человеческом роде, а тогда вовсе не было бы необходимости в гражданском правлении, и люди тогда бы жили в мире и не имели бы господ.

⁸В английском тексте вместо последней части предложения (начиная с «поскольку») стоит фраза: «...и их с почетом вспоминают за это в веках».

⁹Здесь и далее понятие *multitudo* мы переводим как «совокупность». Попытка уйти от перевода-кальки «множество» была предпринята А. В. Мареем еще несколько лет назад, в 2013 году, при переводе с латыни «Лекции о гражданской власти» Франсиско де Витории. Тогда это понятие передавалось им как *множественность*, чтобы подчеркнуть отсутствие субъектности у означаемой им общности людей. В последующие годы, начиная с перевода на русский первой книги трактата *De regno* Фомы Аквинского (2015) и далее, было принято решение передавать латинское *multitudo* русским *совокупность*, чтобы, во-первых, уйти от неизбежных в ином случае арифметических коннотаций, а во-вторых, как и было сказано выше, подчеркнуть отсутствие у *multitudo* всякого рода субъектности.

¹⁰В английском тексте здесь короткая, но очень примечательная ремарка: «врагов, которых мы страшимся».

¹¹В английском тексте вместо слова «безопасность» (*securitas*) стоит «ни оборона, ни защита» («no defence nor protection»).

¹²В английском тексте: «не только не помогут, но и мешают друг другу».

¹³В английском тексте: «Потому они не только легко будут подчинены немногими согласными друг с другом, но даже и в отсутствие общего врага начнут войну друг с другом из частных интересов».

Да и для безопасности (а они хотят, чтобы она была вечной) недостаточно, чтобы они управлялись лишь в течение ограниченного времени, как, например, в одном сражении или одной войне. Ведь даже если в единодушном порыве они победят врагов, после этого, если у них не будет общего врага или если одни будут полагать кого-либо врагом, а другие — другом, общество неизбежно развалится и из-за различия воле война возобновится уже между ними.

Но ведь кто-нибудь скажет, мол, некоторые дикие животные, как пчелы или муравьи, которые живут в мире в их пчелином улье и в муравейнике и считаются по Аристотелю животными политическими¹⁴, управляются каждый своими суждениями и склонностями, и это без использования речи, с помощью которой один мог бы передать другому, что, по его мнению, ведет к общей пользе, а что нет. Следовательно, что мешает, чтобы люди делали по меньшей мере то же самое? Отвечаю на это.

Во-первых, мешает то, что люди постоянно спорят между собой в отношении почестей и достоинства, эти же животные так не поступают. Оттого среди людей по этой причине (среди прочих) часто рождаются зависть, ненависть, война, среди же этих животных такое случается очень редко.

Во-вторых, среди этих животных публичное¹⁵ и частное благо — одно и то же. Следовательно, когда они естественным образом стремятся к частному благу, в то же время они заботятся об общем благе. Человеку же в собственном благе приятнее всего, когда оно превосходит чужое.

В-третьих, эти животные, так как они лишены разума, не видят и не думают, что видят нечто порицаемое ими в управлении их общими делами. Среди же людей есть многие, полагающие себя мудрее и способнее остальных к управлению гражданской общностью¹⁶, отчего каждый из них хочет проводить изменения на свой лад¹⁷, они ссорятся и становятся причиной войны.

В-четвертых, эти животные (даже если они в ситуации нужды и пользовались бы голосом для обозначения своих желаний) все же не имеют искусства плетения словес, с помощью которого одни люди заставляют

¹⁴Hist. of Animals, I.1, 488a8–13.

¹⁵Обращает на себя внимание, что Гоббс использовал одно и то же английское слово (*common*) для передачи двух латинских прилагательных *publicum* и *commune*.

¹⁶В английском тексте: «govern the Publique».

¹⁷Английский текст в данном случае более эмоционален и красноречив: «and these strive to reform and innovate, one this way, another that way».

других видеть добро злом и зло добром, великое малым, а малое — великим, а один так очерняет действия другого, что это становится причиной беспорядков¹⁸.

В-пятых, дикие животные¹⁹ не делают различий между несправедливостью и ущербом, и поэтому пока им хорошо, они не завидуют остальным. Человек же наиболее неприятен, именно когда он более всего богат и празден, ведь тогда он любит хвастаться своей мудростью, порицая действия правителей.

Наконец, согласие этих животных идет от природы, согласие же людей идет от соглашений и имеет искусственный характер. Следовательно, неудивительно, если для его крепости и длительности требуется нечто помимо соглашения. Очевидно, это и есть общая власть, которой каждый страшится и которая упорядочивает действия всех к общему благу.

Для установления же общей власти, которая сможет охранять людей как от иноземных вторжений, так и от взаимных обид, чтобы они жили и кормились, довольствуясь плодами земли и собственного трудолюбия, есть единственный путь, чтобы каждый перенес всю свою силу и власть на одного человека или на одно собрание людей, в результате чего воли всех свелись бы к единой, то есть чтобы один человек или одно собрание представляло бы каждого конкретного человека и чтобы каждый конкретный человек признал себя доверителем²⁰ всех действий, совершаемых этим лицом²¹, и подчинил бы свои волю и суждение его воле. Это нечто большее, чем разумное или сердечное согласие²², ведь

¹⁸В английском тексте после «а зло добром» и до конца параграфа идет следующий текст: «и возвеличивать или преуменьшать ясной величины добро или зло, сея в людях недовольство и разрушая мир между ними к своему удовольствию».

¹⁹Интересно, что Гоббс передает английское *irrational creatures* с помощью латинских *animalia bruta*; дикость животных, таким образом, определяется именно их неразумностью.

²⁰В тексте *author*; Гоббс вводит это слово в латынь из английского языка, разводя латинское *actor*, используемое им для обозначения представителя, и англоязырованное *author*, вводимое им для обозначения представляемого. Согласно развернутому пояснению, приведенному Гоббсом в гл. 16 «Левифана», *actor* — это, по сути, агент, действующий в силу авторизации его действий доверителем, тем, от имени и в интересе которого эти действия совершаются.

²¹В английском тексте важное дополнение: «в том, что касается общего мира и безопасности».

²²Это один из важнейших моментов в 17-й главе и во всем «Левифане» в целом. Гоббс здесь отсылает читателя к двум известным алгоритмам становления и существования народа (*populus*) как политического субъекта: по Цицерону, через разумное согласие (*consensus*), или по Августину, через эмоциональную близость, сердечное согласие относительно предмета общей любви (*concordia*). Указывая, что получающееся в описываемом

это подлинное единение всех в одном лице, которое совершается через соглашение каждого с каждым. Словно если каждый скажет каждому:

Я уступаю этому человеку или этому собранию мою правоспособность²³ и мое право управления самим собой на том условии, что ты тоже уступишь ему же твою правоспособность и право управления собой.

После того как это сделано, эта совокупность становится одним лицом и называется гражданской общностью, или республикой. Это и есть рождение того великого Левиафана или (чтобы сказать более почти-тельно) смертного бога, которому мы обязаны всем миром и защитой под сенью бессмертного Бога. Ведь когда эта правоспособность была передана от всех и каждого, он получает такую власть и пользуется такой силой, что мог бы страхом направить волю их всех к миру между собой и к объединению против врагов. В этом состоит сущность гражданской совокупности, определяемая так: гражданская совокупность — это единое лицо, доверителями действий которого стали посредством соглашения каждого с каждым множество людей, с тем чтобы она пользовалась бы мощью всех по собственному усмотрению для мира и общей защиты. Тот же, кто представляет город, называется обладателем высшей власти²⁴. Прочие же все называются подданными и гражданами²⁵. Высшей власти достигают двумя способами, первый из которых — сила, когда, например, отец принуждает своих детей повиноваться себе, ведь он может отнять у них жизнь, перестав их кормить, или когда кто-либо

им случае единство есть нечто большее, чем народ, Гоббс тем самым перехватывает повестку, вводит принципиально новую фигуру, не имевшую аналогов в предшествующей политической философии.

²³В тексте — *authoritas*; совершенно явно здесь идет речь не о том, что один человек уступает другому или другим какую-либо власть; он передает им право действовать от своего лица, то есть саму свою способность быть доверителем, *author*. В результате всеобщей уступки правоспособности в пользу создающейся *persona ficta*, очевидно, остается лишь одно лицо, в полном смысле этого слова — создающееся; все же его доверители утрачивают одно из базовых конституирующих качеств лица в праве. Понятна и дальнейшая трансформация: когда члены совокупности теряют индивидуализирующие их качества (т. е. правоспособность), они могут восприниматься далее лишь как части целого. Ср. с началом 18 главы, где Гоббс пишет, что человек, будучи гражданином одной гражданской общности, уже не может вступить в новый договор, переносящий его лицо на другого человека или собрание людей («*quo personam suam in alio transferre*»). Т. о., очевидно, что, передавая другому человеку или людям свою *authoritas*, человек перестает быть лицом в полном смысле этого слова, т. е. становится неправоспособным.

²⁴Лат. *summa potestas* соответствует английскому *sovereignty*.

²⁵В английском тексте Гоббс предпочел более жесткую формулировку, в которой отсутствуют «граждане» — есть лишь «подданные».

дарует жизнь побежденным врагам с тем условием, что они выполнят приказы. Другой способ — когда люди по доброй воле переносят высшую власть на одного человека или на собрание с надеждой на защиту. И второе — это учреждение гражданской общности, первое же — это ее приобретение²⁶. И сначала я скажу об общности учрежденной.

ГЛАВА XVIII.

О ПРАВЕ ОБЛАДАЮЩИХ ВЫСШЕЙ ВЛАСТЬЮ В УЧРЕЖДЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ОБЩНОСТИ

Гражданская общность учреждается, когда люди, собирающиеся по доброй воле, договариваются каждый с каждым о том²⁷, что большинство их голосов придаст какому-либо человеку или собранию право представлять всех, а они все будут ему подчиняться. Следовательно, каждый из них обязуется повиноваться тому, кого изберет большинство, вне зависимости, голосовал ли он за него или не голосовал, и авторизовать все его действия. Ведь если не понимать, что большинство голосов отражает голоса всех в полном объеме, соглашение оказывается напрасно и противоречит цели, поставленной каждым для себя, а именно миру и защите всех²⁸.

Формой учреждения определяются как вся власть и все права носителя высшей власти, так и все гражданские должности²⁹.

Во-первых, из того, о чем они договорились, следует, что никакими предшествующими соглашениями они не обязывались выполнить что-либо противоречащее данному соглашению. Потому, когда люди уже являются гражданами какой-либо гражданской общности³⁰, они не могут вступить в новое соглашение, по которому они обязывались бы перенести свое лицо на другого или подчиняться кому-либо в чем угодно

²⁶В английском тексте дальше сказано так: «Второе может быть названо политической республикой или республикой по установлению, первое же — республикой по приобретению».

²⁷В английском тексте так: «когда совокупность людей приходит к согласию (*agree*) и договоренности (*covenant*)».

²⁸В английском тексте параграф завершается так: «...и авторизовать все действия и суждения этого человека или собрания людей так же, как если бы они были его собственными, с целью мирного сосуществования и защиты от остальных людей».

²⁹В английском тексте фраза выглядит несколько по-иному: «Этим актом учреждения определяются все права и возможности того или тех, на кого согласием собравшегося народа перенесена суверенная власть».

³⁰В английском тексте сказано более буквально: «Следовательно, те, кто уже учредил республику, будучи связаны соглашением подчиняться действиям и суждениям кого-либо, не могут законным образом заключить новое соглашение друг с другом».

(без разрешения обладателя высшей власти). Следовательно, граждане, подчиняющиеся монарху, не могут по праву ни сбросить монархию, ни возвратиться к естественной свободе³¹, если тот, кто имеет высшую власть, или кто-либо другой из граждан не пожелает этого³². Ведь этим они нарушили бы соглашение, заключенное с каждым, и вырвали бы против права высшую власть у того, кому она была дана по праву³³.

Кроме того, если кто-либо попытался бы вырвать ее и был бы за это убит или подвергнут какой-либо казни, он сам авторизовал бы собственную казнь³⁴; и поскольку несправедливо, чтобы человек, совершающий поступок, был бы наказан за него своей же собственной властью³⁵, то и он на этом же основании будет несправедлив. Несправедливо также и то, что некоторые граждане оправдывают свое неповиновение новым соглашением, заключенным не с людьми, но с Богом³⁶. Ведь соглашение не может быть заключено с Богом, кроме как посредством кого-либо, представляющего Бога, а это то, что делает тот единственный, кто имеет высшую власть под Богом. Оправдание же неповиновения наличием соглашения с Богом является очевидной ложью, то есть деянием не просто несправедливым, но и мерзейшим, и сами оправдывавшиеся знали это.

³¹В английском тексте вместо «естественной свободы» — «вернуться к беспорядку разобщенной толпы, ни перенести их лицо с того, кто их представляет, на другого человека или же собрание людей; ведь они обязались каждый перед каждым признавать своими и авторизовать все то, что тот, кто уже является их сувереном, сделает или сочтет нужным сделать».

³²Здесь неясный момент: почему желание кого-либо из граждан может стать законным основанием для пересмотра договора?.. В английском тексте этих слов ожидаемо нет.

³³В английском тексте эта фраза выглядит несколько иначе: «Ведь даже если один человек не выразит согласия, остальные нарушат свое соглашение с ним, а это несправедливо; они же уже передали все вместе суверенитет тому, кто представляет их в своем лице, следовательно, если они низложат его, они отнимут у него то, что принадлежит ему, а это опять-таки несправедливо».

³⁴В английском тексте продолжение: «будучи в силу учреждения гражданской общности доверителем всего того, что делает его суверен».

³⁵В тексте — *ipsius autoritate*.

³⁶Малькольм Ноэль отмечает, что Гоббс, по всей видимости, ссылается здесь либо на шотландский Национальный ковенант от февраля 1638 года, либо на текст Торжественной Лиги и Ковенанта сентября 1643 года. Далее Ноэль уточняет, что эти ковенанты были соглашениями *перед* Богом или *в присутствии* Бога, но не договорами с Ним, хотя текст Национального ковенанта и содержал формулу про христиан, *обновивших свой завет с Богом*. См.: (Hobbes, 2012: 267, *infra* b). Подобные формулы и правда были типичны для протестантских ковенантов: к названным выше можно добавить хотя бы известнейший Ковенант, составленный отцами-пилигримами на корабле *Mayflower* в 1620 году. Понятен и соблазн для писателей-роялистов трактовать эти документы как еретические *ковенанты с Богом*.

Во-вторых, высшая власть не может быть отнята у имеющего ее из-за дурного управления республикой; во-первых, потому что он является представителем всей гражданской общности и то, что он совершает как представитель, гражданская общность делает как доверитель. Найдется ли тот, кто обвинит всю общность?

Затем тот, на кого перенесена высшая власть, не договаривается ни с кем из перенесших ее, и, следовательно, он не может обмануть кого-либо из них и вследствие этого лишиться своей над ним власти. Или есть соглашение со всей совокупностью, словно с одним лицом, чего не могло возникнуть, прежде чем его избрали, потому что эта совокупность тогда еще не была одним лицом; или — соглашение с каждым по отдельности, и в таком случае он тоже избран одновременно с его заключением, так что всякий, кто обвиняет его в дурном управлении, является его доверителем и потому обвиняет сам себя. Следовательно, желать обязать соглашениями того, кто обладает высшей властью, это то же самое, что желать обязать ими саму гражданскую общность. Ведь правда, если мы допустим, что тот, кто обладает высшей властью, мог бы вступать в соглашения с гражданской общностью и нарушать их, то, если он нарушит их и будет отрицать нарушение, кто станет истцом в этой тяжбе? Ведь если никто, все вернется к анархии и больше не будет гражданской общности. Если истцом станет сама гражданская общность, то им будет тот самый человек, который представляет ее, то есть сам носитель высшей власти. Тем, кто полагает, что они связаны этими соглашениями, кажется, что они обмануты, потому что они не проводят различий между обязательствами, которые возникают посредством слов, и теми узами, которые делаются из ремней; они не понимают, что слова некрепки сами по себе. Однако после того как высшая власть установлена и вооружена, тогда и сами слова власти становятся уздой той же силы. Частично они обманываются тем, что вообразили, будто совокупность людей, собравшихся в одном месте, является не многими лицами, но единым лицом, даже прежде чем они договорились о высшей власти, и будто совокупность говорит и действует самостоятельно. Когда высшая власть воплощена в народном собрании, никто не говорит, будто такое соглашение существует. Ведь кто настолько туп, чтобы сказать, что, например, римский народ, который некогда обладал высшей властью в Риме, получил эту власть посредством соглашения с римлянами и потому, если бы он плохо правил, он мог бы быть низложен римлянами? Но не все видят, что вопрос остается одним и тем же и при монархии, и при народном правлении; причина — в людском

честолюбии, более благосклонном ко многим, чем к одному, ведь что под одним человеком толпа, то при собрании — часть правящих.

В-третьих, если высшая власть будет единожды установлена с согласия большинства, то никому из тех, кому не нравится сделанное, не дозволено требовать доказательства того, что он голосовал против, или составлять об этом памятную записку³⁷. Ведь такое требование — это желание изменить сделанное и, как следствие, отказаться от заключенного мира, объявить войну всем остальным и вернуться к естественному состоянию, от которого он бежал, и потому оно противно цели, которую он имел, когда вступал в соглашение с остальными.

В-четвертых, поскольку в силу самого факта учреждения гражданской общности каждый из передающих власть выступает доверителем по отношению к любым действиям того, на кого перенесена высшая власть, очевидно, что носитель высшей власти не может поступить несправедливо по отношению ни к кому-либо из передавших ее. Ведь что бы он ни сделал, это будет сделано доверителем, то есть всеми и каждым, а поступить несправедливо по отношению к самому себе не может никто. Я не стал бы отрицать, что обладающий высшей властью может поступить несправедливо, ведь несправедливым называется то, что противно естественному закону, несправедным же — то, что совершено против гражданского закона, и до учреждения гражданской общности не было ничего ни праведного ни неправедного³⁸.

В-пятых, носитель высшей власти не может быть казнен или наказан гражданами по какому-либо праву. Ведь тот, кто не может совершить несправедного или выступить обвиняемым, тем более не может быть осужден, поскольку, что бы он ни сделал, будет сделано от имени всех граждан.

³⁷В английском тексте Гоббс продолжает эту фразу еще одной, в которой ссылается на *молчаливое соглашение* (*tacitely covenanted*) соблюдать принцип правоты большинства, принимаемое всяким вступающим в гражданскую общность. Ср. с практически аналогичным тезисом в пролегоменах к «Трем книгам о праве войны и мира» Гуго Гроция.

³⁸В этом абзаце Гоббс играет с латинскими словами *iniuria*, *iniustum* и *iniquum*. Два первых из них восходят к латинскому корню *ius* и означают в самом широком смысле слова то, что совершается против действующего законодательства. Третье же слово этимологически родственно латинскому *aequitas* (справедливость, покоящаяся на принципах естественного права). Именно поэтому суверен, по мысли Гоббса, может поступить противно естественному праву, но не может — противно праву позитивному. В этом моменте Гоббс сближается с целым рядом средневековых юристов и теологов, считавших, что монарх не может обязываться действующим правом, поскольку он сам его творит.

В-шестых, раз цели учреждения гражданской общности суть мир и защита, а всякий, кто имеет право на цель, имеет право и на средства, из этого следует, что всякому человеку или собранию, которому передается высшая власть, передается также суждение о средствах по достижению мира и защиты, чтобы и в опасности, и ради ее предупреждения он рассудил бы, что необходимо сделать как для сохранения мира между гражданами и поддержания безопасности против врагов, так и для возмещения ущерба, нанесенного гражданской общности.

В-седьмых, к высшей власти относится суждение о сохранении или нарушении мира, о том, когда, до каких пор и кому дозволено созывать собрание всей совокупности, какие книги должны быть опубликованы и кем проверены. Ведь действия берут начало из мнений, а значит, в управлении мнениями кроется и управление гражданами, откуда рождаются мир и согласие. И хотя цель любых учений есть единственно истина, если они истинны, они не будут противны миру. Учения же, противные миру, не могут быть истинными, если только мир и согласие не будут названы противоречащими естественным законам. В гражданских же общностях вследствие небрежения или неопытности правителей и ученых заблуждения могут быть приняты за истину с течением времени, а истины могут вызывать неприятие, однако внезапное появление новой истины, даже если оно однажды может пробудить спящую войну, никогда не нарушит мира. Ведь тот, кто жил настолько свободно, что дерзнул взяться за оружие для введения нового учения, и без того имел намерение взбунтоваться. Не нападал же он лишь из страха, а жил, словно в вечной готовности к битве. Следовательно, суждение обо всех учениях и мнениях надлежит высшей власти, ведь здесь чаще всего находят свою причину и исток гражданские войны и разногласия.

В-восьмых, все той же высшей власти принадлежит право устанавливать правила, то есть правила касательно права собственности на вещи, живя по которым, каждый знал бы, что принадлежит ему, и наслаждался бы этим, не притесняем согражданами; знал бы, что он может совершать дозволенным образом, а что — не может. Ведь до учреждения высшей власти у всех было право на все, и это было причиной войны. Следовательно, правила, которыми определяется мое и твое, а применительно к действиям — хорошее, плохое, дозволенное и недозволенное, — такие правила, от которых зависит мир граждан, должны быть установлены тем, кто имеет высшую власть. Подобные правила называются гражданскими законами, или законами той гражданской общности, для граждан которой они установлены (хотя слова «гражданский закон»

и используются сегодня для обозначения древних римских законов, поскольку некогда и мы были частью римской гражданской общности из-за широкого распространения римской власти).

В-девятых, у высшей власти есть и право судить, то есть право расследовать все дела в отношении как права, так и факта, и разрешать все споры. Ведь в противном случае у граждан не было бы никакой защиты от взаимных обид, законы о моем и твоём были бы напрасны и люди бы оставались в состоянии войны всех против всех.

В-десятих, той же высшей власти надлежит по своему усмотрению заключать войну и мир с другими гражданскими общностями, то есть решать, будет ли война благом или злом для ее гражданской общности, сколько войск должно быть приготовлено и каким образом граждане должны их содержать. Ведь охрана граждан зависит от войск, сила войск — от единения гражданской общности, единение же гражданской общности — от единственного лица, обладающего высшей властью. Также лишь у высшей власти есть право командовать воинством, поскольку это и есть право на мощь всей гражданской общины³⁹.

В-одиннадцатых, той же высшей власти принадлежит право выбирать всех советников, магистратов и служителей как во время мира, так и во время войны. Ведь кому вручено бремя заботы о мире и защите, тому же отдается право пользоваться средствами, которыми он распоряжается по своему усмотрению.

В-двенадцатых, той же власти принадлежит право раздавать награды, такие как богатства и почести, тем, кто этого заслуживает, и налагать на нарушителей наказания, определенные законами, или, если наказание не будет установлено законом, создать уголовные законы, которые покажутся наиболее подходящими для воодушевления честных и устрашения нечестных.

Наконец, если мы поразмыслим о том, во сколько каждый оценивает себя и насколько он жаждет почестей от других, которым сам считает недостойным воздавать тем же, откуда обычно рождаются соперничество, ссоры и даже война, то мы признаем, что споры о гражданских почестях и чинах, как и об обуздании высшей власти, неминуемо ведут к распаду гражданской общности. Следовательно, необходимы законы, которыми бы определялась честь, которую, в свою очередь, каждый должен воздавать каждому в публичных собраниях и частных беседах,

³⁹В английском тексте здесь прибавлено: «Вот потому, кто бы ни был командиром армии, тот, у кого суверенная власть, всегда будет главнокомандующим».

то есть право наделять граждан титулами и чинами принадлежит той же высшей власти.

Это суть основные права обладателя высшей власти, как это показано здесь в полной мере, а могло бы быть показано короче этим единственным доводом. Ведь никто не станет отрицать, что все эти права принадлежат гражданской общности, она же может говорить и действовать лишь через свое лицо, то есть через обладателя высшей власти. Следовательно, все эти права принадлежат тому, кто обладает высшей властью в гражданской общности, будь то человек или собрание людей. Есть у него и другие права, но меньшие и разные в разных гражданских общностях, при их утрате не утрачивается власть защищать граждан, и они могут быть переданы частным гражданам. Но перечисленные нами главные права не могут быть переданы⁴⁰. Если право командовать воинами будет утрачено, право судить будет напрасным из-за недостатка мощи. Если будет утрачено право сбора налогов, не будет никаких воинов. Если будет утрачено право управлять учениями, суверенных граждан вдохновят на восстание их собственные фантазии. В общих чертах, если исчезнет какое-либо из этих прав, все остальные прекратятся сами собой, случится то разделение, о котором сказал сам Христос: «Царство, разделившееся в себе, не устоит» (Мк. 3:24)⁴¹. Если же никакого разделения этих прав не будет, не будет и никакого разделения народа на противостоящие друг другу лагеря. По мнению ученых, причиной гражданской войны в Англии стало деление прав Королевства Английского между королем, лордами и Палатой общин, а также рассуждения о политических и теологических вопросах, благодаря которым народ нынче столь просвещен в королевском праве, что немного, я полагаю, осталось в Англии тех, кто не видит, что упомянутые выше права неразделимы, и не признает их таковыми публично, как толь-

⁴⁰В английском тексте от начала абзаца и до этого места текст выглядит так: «Это суть права, что составляют сущность суверенитета, по ним человек может определить, какой человек или общность людей обладает суверенной властью и осуществляет ее. Они непередаваемы и неделимы. Право чеканить монету, право распоряжения имуществом и лицами детей-наследников, право предварительной покупки на рынках и прочие статутные прерогативы могут быть переданы суверену при том, что он сохранит за собой власть защищать своих подданных».

⁴¹Цитата неточна, Гоббс, очевидно, приводит ее по памяти. См. также Мф. 12:25, Лк. 11:17.

ко вернется мир, и впредь, пока они будут помнить о недавних своих бедствиях, но не дольше, если только не просвещать людей лучше⁴².

Но так как эти права присущи высшей власти и неотделимы от нее, следовательно, пожалование их другим с помощью каких-либо слов будет ничтожным, если только не прозвучит ясно и открыто отречение от высшей власти; все пожалованные права должны быть в полном объеме возвращены высшей власти, то есть лицу гражданской общности.

Следовательно, раз эта огромная власть неделима и в полном объеме принадлежит носителю высшей власти, кто сможет подобрать основание для мнения тех, кто говорит о королях, представляющих гражданскую общность, будто они хотя и больше отдельных людей, все же меньше их всех вместе? Ведь если под всеми вместе понимают лицо гражданской общности, то имеют в виду самого короля, то есть король получается меньше самого себя, что не имеет смысла. Если же под всеми вместе понимают не связанную совокупность, получается, что говорят об отдельных людях, и тогда король, который больше отдельных людей, получается также больше всех вместе, что опять-таки не имеет смысла. В гражданской общности, где высшую власть имеет народное собрание, эта бессмыслица достаточно видна, при монархии же ее не видят, хотя высшая власть та же самая, где бы она ни находилась.

И как высшая власть больше власти всякого гражданина, так и почести, причитающиеся ей, больше почестей, полагающихся кому-либо из граждан, сколько бы их ни было. Носитель высшей власти — источник всех должностей и почестей, и как перед домовладыкой равны и одинаково лишены чести и рабы, и подвластные дети, так и граждане равны между собой перед тем, кто представляет гражданскую общность, хотя вне его присутствия одни и сияют ярче других. Перед ним же они сияют не больше, чем звезды при свете солнца.

Может быть, кто-нибудь скажет, что эти граждане несчастны, словно те, кто подвластен желанию и страстям правящих. Те, кто живет при

⁴²Со слов «по мнению ученых» и до конца абзаца в английском «Левиафане» текст выглядит так: «И если бы большая часть Англии не разделяла бы мнения о том, что эти власти должны быть разделены между королем, лордами и палатой общин, народ никогда бы не раскололся и не началась бы эта гражданская война сначала промеж тех, кто рассорился в политике, затем между теми, кто спорил о свободе религии. Эти споры так обучили людей касательно суверенного права, что ныне в Англии найдутся немногие, кто не видит, что эти права неделимы и всеми будут признаны таковыми, как только восстановится мир, и впредь, пока они не позабудут о своих лишениях, но не дольше, если только простолюдинов не будут учить лучше, чем это делалось до сих пор».

монархии, винят в этом обычно монархию, те, кто живет под властью собрания многих, обычно обвиняют эту форму правления, хотя власть, которая могла бы их защитить, везде одна и та же. Ведь не полагают же они, что дела человеческие могут обойтись без неудобства и что самые большие неудобства, которые могут случиться в любой форме правления, едва ли смогут сравниться с войной и с бедствиями, случающимися с людьми в естественном состоянии, живущими грабежом, не имеющими ни господина, ни закона. И наконец, что причина самого тяжелого бремени, налагаемого носителем высшей власти, не в его желании, чтобы они были бедными или слабыми, ведь правителям наиболее выгодно, чтобы они были богатыми и смелыми, но в скупости самих граждан, отказывающихся отдавать то, что необходимо для их мира и защиты. Отсюда в большинстве случаев рождается необходимость для правителей требовать все возможные деньги, пока стоит мир, дабы приготовить все необходимое для войны. Но гражданам будто дарованы природой линзы, заставляющие их видеть вещи больше, чем они есть, и, если они через них видят какую-либо малейшую подать, они считают ее наибольшим угнетением. И нет у них ни телескопов, ни знаний, посредством которых они издали смогли бы увидеть все грозящие им несчастья, неизбежные без сбора денег.

СОКРАЩЕНИЯ

Cic. Resp.   *Cicero. De re publica* // Cicero in Twenty-Eight Volumes. Vol. 16. De re publica, De legibus / ed. by C. W. Keyes. — London, Cambridge (MA) : W. Heinemann, Harvard University Press, 1928. — (Loeb Classical Library ; 213).

ЛИТЕРАТУРА

Гоббс Т. Левиафан или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. с англ. А. Гутермана. — М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1936.

Hobbes T. Leviathan. Vol. 2. The English and Latin Text / ed. by N. Malcolm. — Oxford : OUP, 2012.

Hobbes, Th. 2023. "Leviafan [Leviathan]: glavy 17–18 [Chapters 17–18]" [in Russian], trans. from the Latin by E. G. Stoliarova. With annots. by A. V. Marey and E. G. Stoliarova. *Filosophiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 7 (3), 320–337.

THOMAS HOBBS

LEVIATHAN

CHAPTERS 17–18

Translation of: Hobbes, Th. 2012. *The English and Latin Text*. Vol. 2 of *Leviathan*, ed. by N. Malcolm. Oxford: OUP. P. 255–283.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-3-320-337.

REFERENCES

Cicero. 1928. *De re publica* [in English and Latin]. In *De re publica, De legibus*, vol. 16 of *Cicero in Twenty-Eight Volumes*, ed. by C. W. Keyes. Loeb Classical Library 213. London and Cambridge (MA): W. Heinemann / Harvard University Press.

Hobbes, Th. 1936. *Leviafan ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo [Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Common Wealth Ecclesiasticall and Civil]* [in Russian]. Trans. from the English by A. Guterman. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo.

———. 2012. *The English and Latin Text*. Vol. 2 of *Leviathan*, ed. by N. Malcolm. Oxford: OUP.